

Абани Мухарджи

Экономическое положение Индии и английская политика¹

II

Валютная политика. Экономический кризис отнюдь не ограничивается рамками одной промышленности. Он еще значительно острее в экспортной торговле, этой основе индийского капиталистического накопления. Чтобы подрезать капиталистическое развитие Индии в самом корне, чтобы приостановить капиталистическое накопление и являющуюся источником его — экспортную торговлю, империализм применил валютную политику. На основании мнимой гипотезы о золотой гарантии курса, он повысил иностранный курс рупии с 1 шилл. 4 пенсов до 1 шилл. 6 пенсов, т. е. на 12,5%. Этот курс был очень выгоден для британских экспортеров и для производителей канадской пшеницы и африканского хлопка, в которые британский финансовый капитал вложил огромные суммы денег. Акт, легализующий 12,5-процентное повышение курса рупии, под названием „Акта о валюте“, был проведен при самом отчаянном сопротивлении со стороны буржуазии и при поддержке индийских землевладельцев, большинством 68 голосов против 65. Гибельные последствия его обнаружились тотчас же и именно там, где это предсказывала экспортирующая индийская буржуазия. Сэр Пурушоттамдас Такурдас, председатель Об'единенной индийской торговой палаты и один из немногих крупных экспортеров хлопка, вскоре после издания в 1926 г. билля о валюте, показал с цифрами в руках, что „это 12,5-процентное повышение курса валюты поведет к исчезновению нынешнего несоответствия в ценах между индийским и американским хлопком, и на индийский хлопок при таких ценах не найдется покупателей. От этого курса валюты, — заключил он, — одни лишь крестьяне, занимающиеся хлопководством, теряли бы 450 млн. рупий в год“. („Bombay Chronicle“ 8/X 1926 г.) Годом позже, в сентябре 1927 г., делая обзор положения экспорта хлопка, „Capital“ писал: „Индийские цены превышают американский паритет... Экспорт во все страны уменьшился по сравнению с предыдущим годом... Экспорт в Японию сократился на 28.000 тонн и в Китай на 25.000 тонн... Общее сокращение экспорта индийского хлопка за первые шесть месяцев 1927 г. выразилось в 110.000 тонн“. Упадок экспорта повлек за собой сокращение производства хлопка. Площадь посева уменьшилась в этом году по сравнению с прошлым годом, и вычислено, что урожай хлопка в 1927/28 году будет меньше урожая этого года на 1.100.000 кип (по 400 фунтов каждая). Точно также сократилась и площадь посева пшеницы, другого предмета экспорта, на котором тяжело отра-

¹ Окончание, см. „План. Хоз.“, № 2 за 1928 г.

зился денежный курс. В одной лишь провинции Бихаре площадь посева пшеницы уменьшилась на 8%, а вычисленный урожай на помиллиона тонн („Capital“ 8/IX 1927 г.). С другой стороны, благодаря валютному курсу и одинаковым ценам индийского и американского хлопка, Индия отдает крупные заказы на американский хлопок. Так, в первой половине 1927 г. Индия закупила 243.000 кип американского хлопка против 13.000 за тот же период 1926 г. („Capital“ 20/X 1927 г.). Общая экспортная торговля уменьшилась следующим образом: в Бомбее на 31%, в Калькутте на 13% и в Карачи на 29% (Бомбей и Калькутта являются двумя главными портами индийского экспорта хлопка и пшеницы).

Тяжелое состояние торговли отразилось также и на покупательной способности Индии. Благоприятное для Индии сальдо торгового баланса, составлявшее в 1925 г. 538 млн. рупий, упало в 1927 г. до 177 млн. рупий. Соответственно этому, наблюдается и уменьшение импорта машинного оборудования и драгоценностей, и это несмотря на то, что пошлины на ввозимые машины частью понижены, а частью вовсе отменены.

Непосредственное вредное влияние повышения курса валюты на промышленность также весьма значительно. Уже в октябре 1926 г. Ассоциация амедабадских фабрикантов, протестуя против билля о валюте, указывала на то, что „депрессия в торговле хлопком ослабит покупательную способность хлопководов... и, следовательно, положение хлопчатобумажной промышленности будет ухудшаться дальше“ („Bombay Chronicle“, 29/X 1926 г.). Ассоциация бомбейских фабрикантов указывает на вредные последствия этого закона, приводя при этом конкретные факты и таблицы, относящиеся к продукции и сбыту 79 бомбейских фабрик.

Поворот индийской буржуазии к крестьянству. Счет прибылей и убытков бомбейских фабрик (см. „Capital“, 18/VIII 1927 г.) показывает, что хотя в вопросе об имперском предпочтении и т. п. часть индийской буржуазии перешла на сторону империализма, однако, в вопросах валютных она все еще сохраняет единство в своей оппозиции империализму и будет сохранять это и в дальнейшем. Более того, в этом вопросе о валюте буржуазия находит общую почву с некоторыми слоями крестьянства и приближается к тому, чтобы установить с ними единый фронт против империализма. Буржуазия основала „Лигу борьбы с правительственной валютной политикой“ (Indian Currency League), в программе которой написано, что „Лига должна об'единять все партии и все экономические интересы страны в своей борьбе с произвольным ограблением крестьянства“ („Bombay Chronicle“ 16/XI 1926 г.). Программа ее сводится к пробуждению крестьянства, к разъяснению ему всей убыточности для него нового валютного курса.

В январе 1927 г., на IV сессии Индийского промышленно-торгового конгресса, председатель его, сэр Динто Петит, и организатор, м-р Бирала, оба виднейшие промышленники и коммерсанты Индии, бросили клич: „Деловые люди, об'единяйтесь с крестьянами... в одно прочное целое, для совместной борьбы против агрессивной тактики иностранцев и пагубной политики правительства“ („Bombay Chronicle“ 3/I 1927 г.). Разумеется, всем этим экспансивным демонстрациям солидарности с крестьянством со стороны реакционной индийской буржуазии не следует придавать большого значения. При первом же признаке революции или при первой кости, которую британские капиталисты бросят ей, она переметнется

в лагерь империализма, как сделала это ассоциация бомбейских фабрикантов в вопросе об имперском предпочтении. Индийская буржуазия не подает признаков самостоятельного существования: без британского кредита она не в состоянии прожить ни одного дня и потому, естественно, должна принадлежать к империалистическому лагерю, какие бы притеснения она ни терпела. Останавливаясь на этом кризисе, мы имеем в виду лишь показать господствующую здесь тенденцию.

Финансовый кризис. Кризис в банковских и финансовых кругах принял еще худший характер. Ряд промышленных крахов и торговых убытков побуждает капиталистов или, вернее, мелких держателей сбережений к сугубой осторожности, и потому вместо торговли и промышленности капиталы широким потоком вливаются теперь в правительственные облигации.

Количество капиталов, не имеющих применения, увеличивается столь быстрым темпом, что это приводит к понижению процента по правительственным займам, и в июле 1927 года индийский денежный рынок был фактически дешевле европейского. Учетный процент в июле составлял в Индии 4% против 4,5% в Лондоне, 5% во Франции и в Германии и 3,5% в Нью-Йорке („Capital“ 18/VIII 1927 г.).

В 1921/22 г. правительство едва смогло разместить заем по 6% и фактически вынуждено было прибегнуть для этой цели к помощи Лондона.

Эта дешевизна индийского денежного рынка, при столь исключительной дороговизне денег в Европе, создала для Индии новую угрозу. Она фактически вызвала сильный вывоз индийских накоплений, не к пользе индийского населения, а к выгоде британского финансового капитала и к большой опасности для погибающей индийской торговли и промышленности. Вся банковая деятельность ведется под руководством: 1) имперского банка, 2) учетных банков (Exchange Banks) и 3) индийских банков. Первый представляет нечто в роде государственного банка, и в числе его вкладчиков имеется много банков. Отношение в этих трех банках между основным и резервным капиталом (А) и вкладами (В) за последние несколько лет таково (в млн. рупий):

Годы	Имперский банк		Учетные банки		Индийские банки		Всего	
	А	В	А	В	А	В	А	В
1921	98	726	1,116	752	134	802	1,448	2,280
1922	100	712	1,122	734	118	650	1,340	2,996
1923	102	828	1,401	685	108	472	1,611	1,985
1924	104	842	1,305	706	118	552	1,527	2,100
1925	106	833	1,383	706	118	579	1,607	2,118
1926	108	888	1,500	800	100	434	1,708	2,122

Баланс кассы: имперский банк — 21%; учетные банки — 14%; крупные индийские банки — 19%; мелкие индийские банки — 25% („Bombay Chronicle“, 9/XI 1927 г.)

Вышеприведенная таблица интересна в нескольких отношениях. Прежде всего, она дает представление о вкладных возможностях индийских городов, которыми сфера деятельности этих банков ограничивается. Во-вторых, она показывает, что количество вкладов в Индии находится в прямой зависимости от промышленной политики империализма. Количество

вкладов падает до минимума, когда промышленность процветает, как это было в 1923 году, когда был проведен Акт о государственной помощи промышленным предприятиям и когда предполагалось провести билль о покровительстве стальной промышленности в 1924 г. Оно дошло до максимума, когда развернулась во всю враждебная промышленности политика Болдуина. В-третьих, таблица эта показывает то доверие, которое учетные банки встречают со стороны населения Индии. Объясняется это тем, что в то время как индийские банки почти не встречают покровительства учетные банки получают двойную поддержку со стороны индийского правительства и лондонского финансового капитала. В-четвертых, она говорит о назначении, получаемом индийскими вкладами. Поскольку главные операции учетных банков производятся за пределами Индии, то естественно, что вклады эти переводятся за границу, при чем индийским вкладчикам приходится довольствоваться ничтожным интересом в 2,5% по текущим счетам и в 4—5% по твердым вкладам.

Положение индийских банков стало еще хуже в 1927 г., когда вследствие сознательного отказа в предоставлении кредита был ликвидирован Бенгальский национальный банк. Эта непрочность положения индийских банков и кредита и полная их зависимость от учетных банков вызвала общее требование создания для Индии государственного банка. Во время проведения билля о валюте правительство, желая отвлечь внимание импортеров от общей атаки на него со стороны буржуазии, обещало создать для Индии Центральный резервный банк, с правом выпуска банкнот. Но действительные намерения его сводились к созданию не государственного банка, которого требовало буржуазное общественное мнение, а акционерного банка, директоров которого назначали бы акционеры. Это создало новую причину для конфликта между буржуазией и империализмом.

Три основных вопроса текущей индийской политики — это вопрос о банке, о королевской комиссии и о борьбе между индусами и мусульманами.

Националисты возражали против предложения правительства о создании акционерного банка потому, что это подчинило бы их интересы интересам европейцев и части бомбейских капиталистов, которые управляют индийскими финансами.

С своей стороны, правительство возражало против предложения националистов о создании государственного банка, с правлением, избираемым Законодательным собранием, на том основании, что это поставит банк в зависимость от политических влияний и повредит европейским интересам.

Правительство могло бы провести свой проект создания акционерного банка при помощи землевладельцев, как оно сделало при проведении акта о валюте. Но для него выяснилось, что на этот раз трудности будут еще большие и что „банк, созданный, таким образом, будет встречать подозрительное к себе отношение со стороны всех значительных групп индийского общества“ (Round Table, № 69). Спор этот был разрешен путем компромисса, найденного при посредстве Сриниваса Иенгера, президента Индийского национального конгресса и лидера свараджистов. Согласно условиям этого компромисса, „резервный банк должен быть государственным банком, и весь его капитал в 50 миллионов рупий дол-

жен принадлежать правительству Индии. Деятельность банка будет контролироваться комитетом, состоящим из 1 директора, 2 директоров-заместителей (один из них без права решающего голоса), 3 членов, избираемых Объединенной торговой палатой, 2 членов избираемых Федерацией индийской торговой палаты, 1 представителя от провинциальных кооперативных банков, 4 от правительства Индии и 10 представителей от попечителей (trustees). Попечители являются держателями 5-процентных облигаций Резервного банка правительства Индии, выпускаемых по нарицательной стоимости в 100 рупий, или их совокупности на сумму, не превышающую 10.000 рупий, при чем общая сумма выпускаемых облигаций не должна превышать уставного капитала... Никто не может иметь облигации на сумму свыше 10.000 рупий. Облигации подлежат регистрации, и держателями их могут быть лишь уроженцы Индии или лица, имеющие в ней постоянное пребывание... Эти держатели облигаций избирают комитет попечителей... При этих выборах каждому держателю облигаций предоставляется лишь один голос, безотносительно к количеству принадлежащих ему облигаций" (Round Table, № 69).

Этот проект встретил горячую поддержку как со стороны правительства, так и со стороны националистской буржуазии, и должен был пройти подавляющим большинством голосов, так как правительство и оппозиция голосовали бы вместе. Однако, против него раздался слабый голос протеста со стороны представителей интересов землевладельцев и ростовщиков, в лице таких членов законодательного собрания, как, напр., Пандит-Мадан-Могон-Малавиа, которые являются сторонниками феодалов и „не могут примириться с самой идеей создания резервного банка, каковы бы ни были условия" (Round Table, № 69). В поддержку этого претеста, по приказу из Лондона, законопроект об учреждении банка был в последний момент взят обратно, при чем это было сделано против воли такого ультра-империалиста, каким являлся министр финансов Индии, сэр Бэзил Блэккет. Этот факт показывает всю реакционность того пути, по которому Биркенхэд и твердолобые идут в своей индийской политике. Свараджисты и националисты присоединились к сэру Бэзилу и провели резолюцию, поддерживающую его. В этой резолюции говорилось: „Палата (Законодательное собрание) намерена поддерживать министра финансов в любом действии, которое он предпримет для того, чтобы законопроект этот был представлен на рассмотрение палаты“.

Из этого вопроса о законопроекте возникала важная конституционная проблема. Согласно индийской конституции (по реформе 1819 г.), „в случае согласия между правительством Индии и индийским Законодательным собранием решение их получает силу“. Именно это и имело место в данном случае. Но какое значение имеет конституция, этот „ключок бумаги"? Господствующим фактором является империализм, и конституция, естественно, должна ему подчиниться.

Сэр Бэзил был устранен с своего поста, и заместителем его явился сэр Джордж Шустер, ультра-твердолобый бюрократ из министерства колоний, милитарист, враг Советов (он руководил Мурманской экспедицией против Советской республики) и один из главных приверженцев проекта восточно-африканского развития (Times, 6/XII 1927 г.). В настоящее время главный интерес империализма в Индии сводится к подчинению ее интересам африканского хлопка, являющегося последней

ставкой британских капиталистов, к вовлечению Индии в грядущую войну против Советов и к завершению политики, направленной против индустриализации Индии. Естественно, что Шустер является наиболее подходящей фигурой для роли представителя Биркенхэда и Чемберлена в осуществлении над Индией финансового контроля.

Итак мы видим, что в Индии не только нет никакого процесса „деколонизации“, но такой процесс попросту невозможен. Проповедывание теории деколонизации противоречит марксизму и ленинизму. Представители этой теории говорят также о том, что Индия развивается, как огромное поле послевоенного приложения британского финансового капитала. Бросим беглый взгляд и на эту сторону вопроса.

Англия и иностранный капитал в Индии. Согласно анализу „Таймса“, британская способность сбережений, равнявшаяся в довоенное время 16% всего дохода, сейчас, при правлении Болдуина, упала до 12%. Фактический доход Англии в 1926/27 г. составлял 2.000 млн. фунт. стерлингов. Из этой суммы 1.475 млн. фунт. стерлингов были „свободно израсходованы“, 225 млн. фунт. стерлингов были уплачены в виде налогов и пошлин и только 300 млн. фунт. стерлингов составили чистые сбережения, против 400 млн. фунт. стерлингов сбережений в 1911—13 годах (Times 8/III 1927 г.). Сокращение же сбережений приводит к сокращению экспорта капиталов, тем более теперь, когда Англия предприняла осуществление огромной программы реорганизации собственной промышленности. Фактическое сокращение английского экспорта капиталов выражается в следующих цифрах (в миллионах фунтов стерлингов): 1911—13 гг.—161,5, 1922 г.—130,2, 1923 г.—137,5, 1924 г.—125, 1925 г.—77, 1926 г.—101,7, 1927 г. (первые 11 месяцев)—141 („Economist“, 1926/XI 1927 г. и „Statist“, 3/XII 1927).

Это сокращение экспорта капиталов, естественно, привело к сужению сферы британских инвестиций, а не к ее расширению. Британский капитал более заинтересован в консолидировании своих прежних (напр., африканских) вложений, которое требует усиленного притока капиталов для того, чтобы они начали оплачиваться, нежели в создании новых.

До войны из всего вывозимого из Англии капитала 58% помещалось вне пределов Британской империи и 42% в самой империи; теперь же 67% помещается в пределах империи и лишь 33% за границей. Это приводит нас к тому же заключению, к какому мы уже пришли выше, а именно, что британский капитал суживает сферу своей деятельности.

Ввоз капитала в Индию начался сравнительно недавно, и расширение вложений там мало вероятно. С другой же стороны, мы видим, что до войны британские вложения географически распределялись следующим образом: Американский материк—53% (Канада только 12%), Африка—14%, Австралия—12%, Европа—5%, Азия—16%, в том числе Индия только—9%.¹ В 1924—27 гг. географическое распределение британских вложений было таково: за границу шло 33%, внутри же империи помещалось 67%, в том числе: в Африке 25,5%, (Восточная Африка—9%, Южная Африка—7%, Родезия—5% и Судан—4,5%, при чем в одни лишь хлопковые плантации помещалось 13%), в Канаде 8%

¹ Сэр Джордж Пайш дает следующий процент уменьшения британского капитала в Индии: 1908 г.—9,2%, 1909 г.—8,7%, 1910 г.—7,8%, а в среднем 8,6% (Shah — Wealth of Taxable Capacity of India, p. 216).

(разница в 4% по сравнению с довоенной цифрой перешла в руки С.-А.С. Ш.) в Австралии 20,5%, в Новой Зеландии — 5¹/₄%, в Азии, без Индии, 7,5%, (5% в Палестине и 2,5% в каучуковых плантациях), остаток в 1¹/₄% распределится между Индией, Тринидадом, Ямайкой и Ирландским свободным государством. В абсолютных цифрах британские вложения за 11 месяцев 1927 г. распределились следующим образом (в млн. фунт. стерлингов).

Австралия — 30,6; Канада — 10,4; Южная Африка — 9,6; Новая Зеландия — 6; Восточная Африка — 11; Судан — 4,2; Палестина — 4,5; Малайский архипелаг, Цейлон и пр. — 2,8; Индия — 0,4; Бирма — 0,2; все прочие — 8,9. Всего в империи было помещено 87; за границей — 54. Общий экспорт капитала составил 141 млн. фунт. стерл., из коих на долю империи выпало 62% и на долю других стран 38%. Внутри Англии осталось 150 млн. фунт. стерл., что вместе с вывезенным капиталом составляет цифру в 1.291 млн. фунт. стерл. („The Statist“, 3/XII 1927.)

Таким образом, мы видим, что Индия фактически лежит вне сферы приложения британских капиталов. Доля помещаемого в Индии капитала понизилась от 9% довоенного времени до незначительной величины, не составляющей и одного процента. В 1927 г. из всей суммы выпущенного капитала в 291 млн. фунт. стерл. на долю Индии пришлось лишь 600.000 фунт. стерл. При том отнюдь не случайным является то обстоятельство, что „Statist“ отделяет Индию от Бирмы. Смысл этого заключается в том, что Бирма, являющаяся индийским Кавказом и наиболее богатой минералами частью Британской империи, представляет для британского капитала особое значение, отдельно от Индии в целом. Британский капитал заинтересован в отделении Бирмы от собственно Индии, для того чтобы политика, применяемая в Индии, не распространялась на Бирму, куда, в силу необходимости, из-за нефтяных интересов, приток британского капитала должен быть больше.

Одной из задач нынешней Королевской статутной комиссии и является отделение Бирмы от Индии. Дорожка к этому проложена уже комиссией 1919 г. Вышеприведенный анализ достаточно ясно показывает, что британский финансовый капитал вовсе не так уж сильно заинтересован в предоставлении Индии „положения доминиона“ или в содействии ее „деколонизации“. Главные интересы империализма в Индии сводятся к постоянному увеличению повинностей ее по отношению к метрополии, т. е. ежегодной дани, которая достигла в 1926—27 гг. 37 млн. фунт. стерл. против 20¹/₄ млн. фунт. стерл. в 1913—14 гг.; к использованию ее в качестве рынка сбыта; к получению хорошо оплачиваемых должностей для детей британской олигархии, к подкупу аристократической верхушки британского рабочего класса путем предоставления ей теплых местечек; наконец, к использованию Индии для сохранения на мировом рынке низких цен на сырье. В настоящее время главное русло потока капиталов из Лондона направлено не в сторону Индии, а в сторону Африки и Австралии, где развиваются крупные плантации и куда можно также экспортировать избыток населения Великобритании. Британский капитал довоенного времени инвестировался в Индии не столько в промышленность, сколько в правительственные займы. Теперь, когда правительственные займы большей частью размещены в Индии, где деньги дешевле, чем в Лондоне, экспорт туда британского капитала уменьшился.

Чтобы дать точное представление о политике, применяемой по отношению к вложенному в индийские предприятия иностранному капиталу, я процитирую следующее заявление индийского Комитета тарифов. Речь идет о спичечной промышленности. „Недавно, — пишет председатель Комитета м-р Гинвила, — иностранные тресты, убедившись в трудности конкурировать своими спичками на индийском рынке, из-за импортных пошлин, частью основали в этой стране. частью купили здесь ряд крупных фабрик. Комитет тарифов указывает на необходимость ответить на это установлением акцизной пошлины на спички, вырабатываемые в Индии на средства иностранного капитала, и введением правительственной монополии или правительственного контроля над производством и сбытом спичек“ (Times, 10/XII 1927 г.). Не указывает ли это на продолжение общей анти-промышленной политики, будет ли она относиться к индийскому или иностранному капиталу? См жет ли еще кто-нибудь после этого утверждать, что „послевоенная политика британского финансового капитала направлена к тому, чтобы вывести Индию из состояния аграрной страны и превратить ее в современное промышленное государство и полноправного члена Британского союза наций?“ А именно это и утверждают теоретики „деколонизации“. Можно указать на то, что в целях поощрения молодой электротехнической промышленности Англии, правительство уделяет много забот развитию в Индии гидроэлектрических установок. Там уже действуют установки с общей производительностью в 600.000 киловатт электрической энергии, и есть проект увеличения этой энергии еще на 1 млн. киловатт. Но энергия эта будет употреблена на частичную электрификацию индийских железных дорог, главным же образом, на производство работ по орошению возвышенных плато и плоскогорий, с целью приспособления их к фруктовым культурам (Times 3/XI 1927 г.). Нынешняя политика „Имперского рыночного комитета“ (Empire Marketing Board), назначением которого является распространение сведений о продуктах производимых в Британской империи и содействие их большему потреблению в империи, предпочтительно перед продуктами иностранного происхождения, — направлена к развитию в Индии чайных плантаций, рисовых и табачных культур и садоводства. Этим путем предполагается возместить потери Индии в торговле хлопком и пшеницей и в промышленности („Capital“, 8/IX 1927 г.).

Цели империализма. Испытываемые британской политикой затруднения лучше всего выражены в следующей выдержке из журнала „Capital“, — торгового и финансового еженедельника Индии: „Британия, — говорится там, — пришла в Индию для того, чтобы обеспечить свою торговлю и остается там, чтобы ее сохранить. В течение шести лет крупнейшие отрасли ее промышленности находятся в полупарализованном состоянии и обнаруживают мало признаков выздоровления. При таких обстоятельствах ослабление, а еще больше — полное поражение британского авторитета в Индии, — было бы для Британии равносильно самоубийству... Сохранение дружественной Индии вовсе не предполагает обязательно ее политической свободы или индустриального ее развития... Враждебное отношение индийской буржуазии настолько сильно, что тариф имперского предючтения встречает фактическое сопротивление... Индийские политические деятели имеют полное право держаться такой позиции, но пусть они признают за британскими политическими деятелями такое же право

делать отсюда сами собой напрашивающиеся выводы и соответственно этому строить свою индийскую политику... Пусть всякое чувство, индивидуальное или национальное, останется вне нашего рассмотрения... В видах самосохранения, Индия должна остаться в составе империи... Нельзя уйти от того факта, что Британия должна вывозить или погибнуть" (18/VIII 1927 г.). Мы полагаем, что столь откровенное заявление не нуждается в комментариях.

Задачи индийского пролетариата. Картина индийского кризиса для нас ясна. Как сильно ни отразился этот кризис на буржуазии, еще сильнее он отразился на пролетариате. Влияние этого кризиса на пролетариат сказывается в волне непрерывных стачек в среде как фабричных рабочих, так и железнодорожников, а также в росте классовой солидарности индийского пролетариата. Весьма знаменательным событием, которое теоретики „деколонизации“ проглядели, является посылка индийскими профсоюзами в 1927 г. особой делегации на британский съезд трэд-юнионов, цель которой была показать солидарность индийского рабочего класса с его британскими собратьями в их общей борьбе против империализма. Особенный интерес представила краткая речь товарища Гурудатта Сетхи, индийского делегата, в которой он осуждал британских социал-предателей, Макдональда с компанией, и призывал к солидарности с Советской Россией. В одном можно быть уверенным, в том, что как в аграрном, так и в промышленном и финансовом кризисе основным требованием индийского крестьянина и рабочего является полное уничтожение феодализма. Хотя буржуазия не соглашается и не может согласиться с этим революционным лозунгом, она все же откровенно признает это условие для себя благоприятным. Задачей же империализма является усилить феодализм вопреки оппозиции всех этих сил.

Для борьбы с этим кризисом и была создана Королевская статутная комиссия¹ двумя годами ранее, чем это было предусмотрено конституцией 1919 г. Комиссия эта состоит из 7 человек, долженствующих представлять три политические партии британского парламента — консерваторов, либералов и рабочую партию. Пост председателя занимает сэр Джон Саймон, либерал-унионист и „борец за интересы индийских владетельных князей“, как однажды выразилась о нем мисс Уилькинсон, член парламента от рабочей партии (Times, 26/XI 1927 г.). Членами ее являются лорд Бернгэм, ультра-твердолобый собственник газеты „Daily Telegraph“, лорд Страткона, полковник Фокс и м-р Коган — от консервативной партии. Этли и Стивен Уолс представляют в ней рабочую партию, которую даже капиталисты называют „фабианской аристократической рабочей партией“. Избрание их в эту комиссию ясно доказывает, что они являются либералами и рабочими только на словах, по сути же все ультра-империалисты.

Говоря о той политической линии, которой должна придерживаться комиссия, лорд Уинтертон сделал следующее заявление в палате общин:

„Индийская конституция должна по необходимости отличаться от конституций других частей империи... В индийских провинциальных законодательных собраниях притязали на признание и получили таковое 13 различных сект или групп, объединенных общностью интересов. Бла-

¹ Автор имеет в виду так называемую комиссию Саймона, которая как раз недавно прибыла в Индию.

годаря расовым, социальным и религиозным различиям, существующим среди ее населения, Индия представляла проблему, для разрешения которой необходимы конституционные реформы, отличающиеся родовыми признаками от всего того, что можно было встретить в любой другой части света“ (Times, 26/XI 1927 г.).

„Великий“ политик допустил здесь одну ошибку. Он позабыл о примере и уроках Советской России. При диктатуре пролетариата Россия не только согласовала интересы ста наций, говорящих на разных языках, чьи расовые, социальные и религиозные различия были еще более сложны, чем в Индии, но также слила все эти нации в одно прочное целое, борющееся за уничтожение нищеты и за социализм. Это удалось пролетариату потому, что в действиях своих он не был, подобно империализму, связан вложенными капиталами. Итак, мы видим, что „родовые отличия“, заключающиеся не в расовых, социальных или религиозных особенностях, а в империалистической эксплуатации.

В свое время ультра-реакционный премьер-министр царской России Столыпин под таким же предлогом усилил власть тогдашних русских феодалов. Реакционный британский империализм шествует по дорожке, проложенной Столыпиным.

Благородный рыцарь либерализма, председатель комиссии, сэр Джон Саймон, следуя приказаниям своих господ консерваторов, повторил, что „комиссия отправляется в Индию, будучи свободной от малейшего намерения навязывать ей западные идеи конституционных реформ и вне, мы отправляемся в Индию для того, чтобы слушать и в точности передать сделанные нами на основании услышанного заключения, а также различные предложения, исходящие изнутри страны“ (Times, 11/XI 1927 г.). Но если конституция не должна быть создана по образцу западной, т.е. буржуазной демократии, то в чьих еще интересах она может быть, если не в интересах феодализма? Именно в таком направлении и развивается вся индийская политика со времени прихода к власти Болдуина. Комиссия отправляется в Индию для того, чтобы выслушать феодалов и стоящая перед ней задача сводится к тому, чтобы найти лучший способ компромисса с буржуазией. Комиссия не должна и не будет содействовать удовлетворению основного требования момента, т.е. уничтожению феодализма. В этом заключается коренное отличие будущей конституции от всех конституций прежнего времени, которые давались при либеральном правлении. Кроме того, это первая реформа, даруемая Индии консерваторами. И потому, чтобы ввести народ в заблуждение, председателем комиссии является член либеральной партии, сэр Джон Саймон.

Реформы в Индии. Первая реформа была проведена в Индии в 1833 г. и исходила от капиталистического правительства партии вигов (зародыш либеральной партии), пришедших к власти в 1831 г., после великого билля о реформе. Эта реформа впервые предоставила Индии право собственного законодательства, действие которого распространялось бы на всю Индию. Вторая реформа, исходившая от либералов, последователей Кобдена, была дана в 1853 г., после того как в 1845 г. последовала отмена хлебных законов, и в связи с этим к власти пришли представители промышленного капитала. При этом правительстве в законодательное собрание были допущены индийские элементы, хотя с правом лишь совещательного голоса. Третья реформа была дана Глад-

стоном в 1892 г. Она предоставляла несколько постоянных мест в Законодательном собрании индусам, хотя эти последние не избирались, а назначались правительством; кроме того, реформа эта предусматривала провинциальные законодательные собрания для Бенгалии, Бомбея и Мадраса. Четвертая реформа пришла во время либерального правления Кэмпбелля-Баннермана в 1909 г. На этот раз в Индии впервые было применено выборное начало, при чем избирательное право было предоставлено 1,5 миллиону представителей высших классов. Особая заботливость была проявлена для охраны интересов промышленников и образованных кругов. Пятая и последняя реформа была дана в 1919 г., когда премьер-министром был Ллойд-Джордж. Она должна была явиться зародышем парламентарной конституции Индии, прообразом того положения доминиона, которое составляет мечту индийской буржуазии. При этом было обещано, что через 10 лет будет произведено новое обследование, для выяснения того, какие дальнейшие уступки в конституционном направлении могли бы быть предоставлены Индии.

Предполагается, что работу эту выполнит нынешняя комиссия. Все эти пять реформ представляют собою нехи буржуазного и индустриального развития Индии. Во всех этих случаях индийская буржуазия, (а особенно промышленники), сотрудничала с правительством, хотя никогда она не была вполне удовлетворена масштабом его мероприятий. И во всех таких случаях волны недовольства захлестывали землевладельческие слои населения, особенно же мелких земельных собственников, а также ростовщиков, представляющих основное ядро индийской интеллигенции. На этот раз наблюдается обратное явление. Помещики, феодалы, мелкие землевладельцы и ростовщики поддерживают комиссию, тогда как сильнейшая оппозиция и бойкот исходят со стороны промышленников и буржуазии. Это показывает, в чьих интересах собирается действовать комиссия. И действительно, газета „Times“, устами лорда Сайденгема, сделала предложение ввести в состав комиссии представителя от индийских владетельных князей.

Королевская комиссия и распыление националистов. Наиболее сильную поддержку встречает комиссия в Пенджабе, где слабее всего развита промышленность и сильнее всего власть феодалов-помещиков. Наоборот, самых жестоких противников находит она в Бомбее, где наблюдается наиболее сильное развитие капитализма. Другие провинции примыкают к какой-либо из двух только что упомянутых, в зависимости от их внутренних экономических подразделений.

Все направления бомбейского общественного мнения единогласно осуждают комиссию. В Бенгалии мнения разделяются в соответствии с классовыми подразделениями, то же наблюдается в Соединенной провинции и в Мадрасе.

Мусульмане Индии, являющиеся наиболее отсталым в отношении просвещения и буржуазного развития населением, также расходятся в мнениях относительно участия в работах комиссии. Буржуазная секция, очень правая, небольшая, во главе которой стоят м-р Джинна и сэр Абдур Рагим, настроена против комиссии, тогда как все помещики поддерживают ее.

Но наиболее сильную поддержку империализм получает со стороны организованных мелких землевладельцев и ростовщиков, этого станого

хребта индийской интеллигенции как индусской, так и мусульманской, со стороны тех самых людей, которые еще недавно были террористами. Эта группа в настоящее время организовалась под ширмой религии и возглавляется в значительной степени духовенством и феодалами. Две главные ее организации,— это „Хинду Махасаба“ (великая ассоциация браминской религии) и „Джамиат-Уль-Улема“ (хранитель правоверного мусульманства). Обе эти организации субсидируются и поддерживаются феодальными помещиками и владетельными князьями и обе одинаково горячо поддерживают комиссию, несмотря на ту смертельную борьбу, которую они ведут между собою из-за политического преобладания.

„Мусульмане,— писала „Джамиат-Уль-Улема“,— не могут позволить себе бойкот комиссии. Индусы ведут пропаганду отмены „Коммунального выборного права“, а без этого слабые, бедные и менее образованные мусульмане будут страдать... Для сохранения этого права мусульмане должны всеми силами поддерживать комиссию“ (Times, 11/XI 1927 г.). „Хинду Махасаба“, опасаясь как бы таким путем мусульмане не получили какого-либо преимущества, также поддерживает комиссию (Times, 5/XII 1927 г.). Таким образом, при помощи феодализма усиливается империализм.

Современная политика британского империализма в Индии. Это „коммунальное выборное право“ является для Индии истинным проклятием. В нем лежит коренная причина нынешней так называемой религиозной розни между индусами и мусульманами, которая раздирает страну. Оно служит главным оружием в руках империализма, который искусно пользуется им для того, чтобы разбивать индийское национальное единство и проводить политику разделения и властвования.

В Индии существует два великих религиозных объединения, это 240 миллионов индусов и 70 миллионов мусульман. Около 90% мусульманского населения состоит из бедных крестьян и рабочих; 3% составляют бедные торговцы, 5% феодальные помещики и 2% буржуазия, крупные торговцы и интеллигенция. Между тем, 95% помещиков, мелких землевладельцев и ростовщиков, короче говоря— интеллигенция, непосредственно угнетающая крестьянство, состоит из индусов. Уже много десятилетий идет классовая борьба между этими угнетателями и угнетенным населением. В Бенгалии, Пенджабе и Сидхе, где большинство крестьянского населения составляют мусульмане, эта классовая борьба выливалась в форму борьбы религиозной. В Соединенной провинции и Бихаре мусульмане хотя и не составляли большинства населения, но зато составляли большинство беднейшего крестьянства, рабочих и сельского пролетариата. С 1905 г. консерваторы проводили решительную политику использования этой классовой борьбы в своих собственных интересах. Отсутствие среднего класса сделало из этого бедного мусульманского крестьянства легкую добычу в руках их единоверцев— феодалов и мулл, которых империализму нетрудно подкупить. В 1909 г., когда в законодательные собрания впервые было введено выборное начало, мусульманским помещикам, под предлогом „защиты интересов мусульманского меньшинства“, были предоставлены особые привилегии и места в Законодательном собрании. Эти политические привилегии, основанные на религиозной почве и называются „Коммунальным выборным правом“. Реформа 1919 г. соответствующим образом закрепила это право и дала ему более конкретное определение. Избирательное

право было предоставлено лишь 7 миллионам богатых высших классов. В основание избирательного права был положен ценз собственности. Но ценз, который требовался от буржуазии, был в три раза выше, нежели ценз помещиков-индусов, а ценз индусских помещиков был установлен в восьмикратном размере по отношению к цензу помещиков-мусульман. Так, например, для права выборов в верхнюю палату требуется годовой доход в 30.000 рупий, если он не основан на владении землей. Поземельный доход считается достаточным в размере 12.000 рупий, от помещиков же мусульманского вероисповедания требуется доход лишь в 600 рупий. Объясняется это тем, что помещики-мусульмане представляют более отсталый и более выдержанный тип феодалов по сравнению с средними индусами, а империализму нужно обеспечить феодальное большинство для проведения своей антииндустриальной политики. Хотя основой избирательного права является ценз собственности, число мест, приходящихся на долю индусов и мусульман, пропорционально той доле, которую они составляют во всем населении. Из 145 членов Центрального законодательного собрания насчитывается 17 чиновников, 23 члена, назначенных правительством, 11 европейцев, 20 мусульман, 70 индусов и 3 парсов, сикхов и буддистов, при чем европейцы, мусульмане, индусы и проч. были избраны.

Среди мусульман фактически не имеется ростовщиков и мелких землевладельцев того интеллигентного типа, который преобладает в среде индусского населения. Для того чтобы вызвать раздоры, правительство стремилось проводить законы, идущие в разрез с классовыми интересами индусов, если только законы эти не затрагивали интересов крупных помещиков или феодалов. Делалось это под предлогом „защиты прав крестьянства“. Многие из этих законопроектов, несомненно, являлись отголосками требований крестьянства, но проводились они правительством не из сочувствия крестьянам, а с исключительной целью вызвать внутреннюю рознь между индусами и мусульманами. Это очевидно уже из того, что все эти законы не проведены, хотя правительство могло бы их провести в жизнь, если бы считало это нужным. Индусские члены Законодательного собрания при всей своей мелкобуржуазной реакционности, отвергали эти биллы, и теперь правительство ведет пропаганду той идеи, что поскольку крестьяне Пенджаба и Бенгалии являются в подавляющем большинстве мусульманами, то права их не могут быть обеспечены при демократической конституции и потому они нуждаются в попечении со стороны империализма.

Три особенно выдающихся случая такой провокации послужили историческим основанием индо-мусульманской вражды: Бенгальский земельный билль, который должен был ограничить право мелких землевладельцев увеличивать взимаемую с бедных крестьян арендную плату; пенджабский билль о ростовщичестве и билль о введении нынешней реформы в Северо-Западной пограничной провинции, где мусульмане составляют 99% населения. Бенгальские мелкие землевладельцы состоят из индусов, к индусам принадлежат также пенджабские ростовщики, а предполагавшееся проведение реформы в Северо-Западной пограничной провинции противоречило интересам индусских ростовщиков. Как и следовало ожидать, индусское большинство отвергло упомянутые законопроекты, вследствие чего вражда между индусами и мусульманами усилилась. В Бенгалии и

Пенджабе мусульмане составляют большинство населения, и потому они естественным путем получили бы большинство мест в законодательном собрании этих провинций. Но в 1918 г. по взаимному соглашению, под руководством Индийского национального собрания (так называемое Лахнское соглашение 1916 г.), они сдали эту позицию для того, чтобы мусульманам было предоставлено несколько мест в Мадрасе и других провинциях, где они составляют ничтожное меньшинство. Это соглашение покоилось на взаимном национальном доверии этих двух религиозных объединений. Но когда вышеупомянутые законопроекты были индусами отвергнуты, правительство указало мусульманам на то, что они поступили неблагоразумно и что законопроекты наверняка прошли бы, если бы мусульмане положились на свое большинство. По этим причинам и по целому ряду других, как-то: участие мусульман в богослужении, право индусов обращать в свою веру мусульман, которые в свое время были обращены в ислам (эта мера применялась ростовщиками северной Индии с целью уменьшения количества мусульманских мест в Законодательном собрании) и т. п., — коварному империализму удалось привести оба объединения в состояние войны. Следствием этого явилось полное разрушение какого бы то ни было индийского национального единства, непрерывные беспорядки и взаимное истребление. Согласно официальным данным, за последние месяцы произошло 2.500 случаев волнений, которые обошлись в 700 убитых, 5.000 раненых и в 6 миллионов рупий убытков.

В свою очередь, империализм пользуется этими беспорядками и т. п., как доказательством непригодности для Индии современного конституционного режима. Именно это и имел в виду лорд Уинтертон, когда указывал на „расовые, социальные и религиозные особенности Индии“, которые создают родовое отличие между нею и другими странами света.

Но на ком лежит ответственность за это, как не на империализме? Сам вице-король Индии приложил все старания к тому, чтобы раздуть это пламя в пожар. В своей речи к мусульманам Калькутты он заявил, что „величайшим преступлением против собственной общины явился их отказ от права большинства“. И в то же самое время он поддержал попытку правоверного индуизма добиться права вновь обращать в индусскую религию таких мусульман, которые прежде были обращены в ислам, — попытку явившуюся главной причиной религиозной розни индусов и мусульман. Организации ультра-правоверных индусов „Шиду-Дарма-Махамандал“ вице-король заявил, что „доставляет удовлетворение сознание того, что ваша организация, представляющая индусское правоверие, никогда не откажется от своих вековых традиций“. А эти традиции есть не что иное, как смертельная вражда с исламом. Выступая перед исламом Синдха, вице-король заверил их, что в случае разрыва с индусами мусульмане могут с уверенностью рассчитывать на особое покровительство правительства. Таким образом, идет непрерывное, прямое и косвенное, раздувание религиозной вражды, одновременно с сохранением экономической базы, с которой не могут примириться мелкобуржуазные реакционные политики. А когда это достигается, то этим пользуются, как предлогом для того, чтобы задерживать буржуазное развитие Индии как в области промышленности, так и в области политики и конституции.

Мы видим эффект коммунального выборного права в индийской политике, того права, которое так старательно культивировалось с 1919 г.

Еще более пагубны последствия его в области промышленности.

Со времени реформы 1919 г. в Индии трижды происходили выборы в Законодательное собрание — в 1920, 1923 и 1924 гг. В первых двух случаях правительство оказалось в решительном меньшинстве.

В первых выборах большинство принадлежало промышленникам и крупной буржуазии. Индийский национальный конгресс выборы эти бойкотировал. Именно это законодательное собрание приняло Акт о государственной помощи промышленным предприятиям и закон о поощрении развития паровозостроительных и железнодорожных предприятий, ассигновав на эти цели 1.500 миллионов. В законодательном собрании второго созыва большинство получили сварджисты. Несмотря на проводившуюся ими решительную политику принципиальной оппозиции и противодействия всем мероприятиям Законодательного собрания, акт о покровительстве стальной промышленности (май 1924 г.) был принят подавляющим большинством голосов. Под настойчивым давлением Законодательного собрания был образован постоянный тарифный комитет, председатель и большинство членов которого были индусы. Именно на этом правительство и постаралось расколоть национальное единство, прибегнув с этой целью к „коммунальному выборному праву“.

Когда Законодательное собрание после трехлетней деятельности было распущено, успех империализма был полный. Выборы 1926 г. прошли под знаком „коммунальной борьбы“, т.е. войны индусов и мусульман. После того как мусульмане покинули лагерь националистов и перешли на сторону правительства, последнее получило постоянное большинство и руки его были развязаны.

В нынешнем законодательном собрании силы индийской партии распределяются следующим образом: сварджистов или партии Конгресса от 40 до 45 человек, националистов — 20, независимых или промышленников — 8. Эти три партии составляют оппозицию. Независимых мусульман, не организовавшихся еще в партию — 20, европейцев — 11, членом по назначению, составляющих правительственный блок — 40.

Иначе говоря, все неправительственные партии, соелинившись вместе, образуют оппозицию из 73 голосов, тогда как на стороне правительства имеется прочный блок из 72 голосов. Правительство получает большинство благодаря мусульманам, поддерживающим его всеми голосами, за исключением 3 членов.

Следует к тому же отметить, что у оппозиции, не исключая и сварджистов, нет никакого единства. Кампания против резервного банка проводилась националистами, а при голосовании билля о валюте, имевшего наиболее жизненное для буржуазного развития Индии значение, объединенная оппозиция не смогла собрать более 65 голосов против 68 голосов, поданных за правительство. После тщательного рассмотрения тактики оппозиционных партий в сессиях Законодательного собрания, *The Round Table* (№ 67) приходит к следующему выводу:

„Даже партия сварджистов обнаруживала во всех сессиях отсутствие дисциплины и определенной линии поведения, что являлось резким контрастом той сплоченности и организованности, которыми эта партия отличалась в 1924 г. Правда, члены этой партии голосовали против

правительства, но все же бывали случаи, когда они воздерживались от голосования; известно также, что по вопросу о билле о валюте в партии были сильные расхождения, и только применение дисциплинарных методов воздействия заставило ее голосовать против правительства. В противном случае большинство ее голосовало бы за правительство“.

Националисты являются кандидатами объединения „Хинду Махасаба“ (великая организация индусской религии). Как известно, объединение это представляет организацию мелких землевладельцев и ростовщиков, которые участвуют в борьбе индусов и мусульман. Они являются сторонниками феодализма и относятся к буржуазному развитию страны не менее враждебно, нежели помещики-мусульмане.

Правительство, опираясь на мусульманское большинство и будучи уверено в возможном получении поддержки со стороны националистов, без колебаний провело полностью всю свою программу, а именно, акт о валюте, акт об имперском предпочтении, акт о финансах, акт о повышении жалования европейским судьям и т. д.

Открытая угроза феодализма бросается в глаза даже случайному наблюдению. „*Bombay Chronicle*“ (22/VIII 1927 г.), зная об этом, забил тревогу под лозунгом: „Новая угроза свободе, индийские помещики поддерживают интересы империализма!“

Стоящая перед Королевской статутной комиссией задача заключается в том, чтобы на долгое время закрепить „коммунальное выборное право“ и найти средства для поддержания интересов феодализма, чтобы буржуазия не смогла взять над ним верх. С этой целью и были выдвинуты на сцену владетельные князья, заявившие притязание о предоставлении им „голосов в индийском Законодательном собрании и в администрации, на том основании, что конституционное развитие Британской Индии явно затрагивает их интересы, общие с интересами британских провинций“ (*Round Table*, № 68).

Зная о грозящей опасности, индийская буржуазия, как мы уже видели, всеми силами противодействует Комиссии. Индийский национальный конгресс точно так же единогласно принял резолюцию о бойкоте Комиссии. Но этот конгресс, в котором господствующее положение занимает интеллигенция, более способен к излианию чувств, нежели к проведению твердой экономической линии, и сомнительно, чтобы члены его до конца оставались верными принятому решению. Всеиндийская мусульманская лига также приняла решение о бойкоте. Это имеет более серьезное значение, потому что такое решение может разрушить столь выгодное для британского империализма единство мусульман. Но „*Таймс*“ (10/XII 1927) уже предсказывал, что если м-ру Джинне и сэру Абдур Рагиму (буржуазным лидерам мусульманской общины) удастся провести в Мусульманской лиге программу бойкота, то это приведет к сильному расколу в лагере мусульман, потому что мусульмане сего дня, по своему убеждению и социальному положению (они являются помещиками), настроены решительно против бойкота. Для империализма это не явилось неожиданностью. Гораздо более серьезное значение имеет резолюция о бойкоте Комиссии, принятая Индийским промышленным и торговым конгрессом, представляющим фактически организацию индийской буржуазии. Это показывает бдительность промышленников и буржуазии и то недоверие, с которым они относятся к империализму, несмотря на то, что без его кредита и под-

держки не могли бы просуществовать и одного дня. Это показывает, что они загнаны в тупик, из которого нет для них иного выхода, кроме решительного сопротивления империализму.

Абсолютно неверно утверждение, что „индийская национальная революция прошла свою буржуазную стадию“ („Masses of India“, November, 1927 г.). Столь же и еще более неверно, что борьбой Индии за освобождение должна руководить народная партия, т. е. нечто в роде индийского „гомидана“. Буржуазия, внешне обнаруживающая оппозицию империализму, реакционна до мозга костей, целиком связана с этим самым империализмом, без которого не может существовать, и в такой же мере связана множеством экономических нитей с индийскими земельными интересами.

Она не только не отважится на революцию, но при первой вспышке ее, если не при первом сигнале, неизбежно перекинется в лагерь империализма. И все-таки, буржуазная оппозиция империализму, существующие между ними экономические противоречия, неспособность империализма помочь буржуазии, помочь индустриализации Индии, не подвергая риску собственной стабилизации, — все это представляет возможность использовать эту самую буржуазию к большой выгоде для нас, и мы будем плохими революционерами, как выразился Ленин, если не сумеем использовать все полезные силы, как бы ни были они недолговечны. Мы проявим „детскую болезнь левизны“, если догматически цепляясь за веру в „деколониацию“, упустим этот случай. Но чтобы использовать эту возможность для дела революции, Индии нужна сильная коммунистическая партия, органически связанная с британской компартией, столь же сплоченная, какой была партия большевиков до революции. Подобно тому как большевики руководили борьбой против царизма в России, на Кавказе, в Туркестане и в Сибири, повсюду выступая как единая и единственная партия, так же точно и для индийской и британской компартий наступило время действовать, как одна партия. В Индии нет еще коммунистической партии, если не считать группы эмигрантов, но зато она имеет сильное движение пролетариата и крестьянства, нуждающееся лишь в организации. Империализм не закрывает глаз на этот фактор. Он понимает, что не сегодня — завтра это единство британского и индийского пролетариата придет, что оно неизбежно, и для предотвращения этого империализм ускоряет приход войны с Советской Россией.

После того, как эта статья уже была нами написана, пришло сообщение о том, что Индийский национальный конгресс впервые за сорокалетнее существование открыто провозгласил своим лозунгом „полную независимость Индии“. Индийская либеральная лига заявила о готовности сотрудничать с конгрессом, а крупнейшая секция Мусульманской лиги (как уже отмечалось выше, эта лига в настоящее время состоит из двух секций — земледельческой и буржуазной) приняла новую программу конгресса. Это показывает, что индийская буржуазия развивается именно так, как указывалось в этой статье, а не так, как утверждают теоретики „деколониации“. Для того, чтобы спасти положение, сторонники этой теории толкуют эти события следующим образом: „Независимая резолюция конгресса есть не что иное, как уступка, сделанная буржуазными демократами своим мелкобуржуазным сторонникам“ (Inprekor, англ. изд., т. 8, № 1). Но такое объяснение доказывает лишь их непонимание индий-

ской экономики. Верно то, что за этой „независимой“ резолюцией скрывается лишь грубая игра, рассчитанная на то, чтобы запугать империалистов. И действительно, „Forward“, центральный орган партии сварджистов, комментирует эту резолюцию тоном оправдания: „Ответственность за то, что жители Индии доведены до необходимости провозгласить своим лозунгом полную независимость, ложится всецело на твердолобые тори (консерваторов) (9/XII 1927). Такие заявления ясно показывают, что индийская буржуазия не отважится пойти на революцию. И все же резолюция конгресса не есть стопроцентный блеф, как пытаются доказать теоретики „деколониации“. Буржуазия не сделает и не может сделать такой уступки своим мелкобуржуазным союзникам. Последние не имеют ни собственной инициативы, ни собственной организации, а кроме того, в нынешних индийских условиях являются мелкими земельными собственниками, которым правительство собирается предоставить ряд существенных уступок. Что же в таком случае побудило индийскую буржуазию решиться на такой крайний шаг. Ответ на это мы находим в той же газете „Forward“, цитирующей следующее заявление, сделанное твердолобыми английскими консерваторами в их газете „Daily Mail“. При отсутствии какого бы то ни было родства по крови или по культуре положение доминиона равносильно полной независимости, а такую независимость Британия никогда не сможет предоставить Индии, не жертвуя интересами восьмой части британского народа, существование которой зависит от Индии.

Как мы уже указывали, когда говорили о промышленном и финансовом кризисе, в этом и заключается коренная причина анти-индустриальной политики империализма, направленной к удушению индийской буржуазии. И именно это заставило индийскую буржуазию провозгласить своим лозунгом независимость Индии. Здесь нет никакой уступки мелкой буржуазии. Но та же причина заставила индийскую буржуазию объявить бойкот Королевской статутной комиссии. Неспособность империализма сделать индийской буржуазии уступки, имеющие для последней самое жизненное значение, делает возможным использование ее в интересах пролетариата. Несмотря на всю свою враждебность к пролетариату, индийская буржуазия предпринимает шаги, направленные к созданию единого с ним фронта. Это мы видим в резолюции конгресса, которая означает отказ индийской буржуазии от поддержки английского империализма в его будущей войне с Советской Россией.